

Юлия Александровна Воропаева

Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, Россия
voporaeva_yua@pfur.ru

 ORCID 0000-0002-5425-3359
<https://orcid.org/0000-0002-5425-3359>

Алексей Юрьевич Овчаренко

Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, Россия
ovcharenko_ayu@pfur.ru

 ORCID 0000-0002-8544-5812
<https://orcid.org/0000-0002-8544-5812>

Ирена Микулацо

Университет Пулы им. Юрая Добрилы, Хорватия
irena.mikulaco@unipu.hr

 ORCID 0000-0001-6813-381X
<https://orcid.org/0000-0001-6813-381X>

От «Хрустального дворца» до «Котлована». Футурологические идеи в русской литературе. Постановка проблемы

Izvorni znanstveni rad /
Original scientific paper

UDK 821.161.1.09“1920/1930“
821.161.1.09Dostoevskij, F. M.
1Odojevski, V.
7(47+57)
72(47+57)

Primljeno / Received: 20. prosinca 2023.
Prihvaćeno:/ Accepted: 1. ožujka 2024.

<https://doi.org/10.32728/tab.21.2024.7>

АННОТАЦИЯ

В статье поставлена проблема изучения эволюции футурологических идей в русской литературе от В. Одоевского до Ф. Достоевского и их влияние на поздние представления о будущем обществе и будущем человеке в литературе 1920–1930-х гг. Актуальность темы обусловлена как общим возросшим интересом к русской культуре и литературе 1920–1930-х гг., так и возникшими в год 200-летия Ф. Достоевского новым прочтением рецепций идей писателя в послереволюционной литературе, особенно в текстах «забытых» авторов – В. Кириллова, Я. Окунева, В. Итина, И. Катаева и др.

Научная новизна статьи состоит в установлении возможных связей идейно-художественного мира Ф. Достоевского с полем идей 1920–1930-х гг., включая не только литературу, но и живопись (Александр Лабас), и архитектуру русского конструктивизма и авангарда (Георгий Крутиков, Иван Николаев, Иван Леонидов, Яков Чернихов и мн. др.).

Ключевые слова: русская литературная утопия и антиутопия, В. Одоевский, Ф. Достоевский, русская литература, искусство и архитектура 1920–1930-х гг.

1. ВВЕДЕНИЕ

Генезис русской утопической идеи, русский космизм, русская народная утопия, включая старообрядческую, русская литературная утопия и антиутопия изучены довольно полно (Ануфриев 2002; Воробьёва 2009; Гюнтер 2011; Калинин 2002; Ковтун 2005; Павлова 2006; Чистов 2003).

Наибольшее внимание исследователей привлекают роман И. Эренбурга «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников» (1922), повесть А. Чаянова – аграрная утопия «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» (1920), романы Е. Замятина «Мы» (1920) и «Чевенгур» (1927) Андрея Платонова (Ланин 1993, 2011). Исследована их связь с евангельскими сюжетами, с классической русской литературой и философией русского космизма, – образ Единого Государства у Ф. Достоевского (Хрящёва, 2011) и М. Салтыкова-Щедрина, стеклянные дворцы из четвёртого сна Веры Павловны Н. Чернышевского, и с современной им русской литературой и философией, – Н. Фёдоров, А. Богданов, А. Гастев и Пролеткульт, В. Муравьёв и др. (Гачева 2019).

Однако пока недостаточно исследовано восприятие русских утопических идей, их трансформация в представления о будущем мире и будущем человеке не только в послереволюционной литературе, но и более широком историко-культурном контексте. Представляет особый интерес и диалог с современниками: социалистические утопии А. Богданова – дилогия «Красная звезда» (1908) и «Инженер Мэнни» (1913), «Республика Южного Креста» (1904) В. Брюсова и первая редакция романа А.Н. Толстого «Аэлита» (1921), «Страна Гонгури» В. Итина (1922), «Грядущий мир» (1922) Я. Окунева и роман Замятина «Мы», (Скороспелова, 2014), «Зависть» Ю. Олеси (1927) и «Сердце» И. Катаева (1927) и мн. др., с русской классической литературой, и, особенно, с визуальными искусствами 1920–1930-х гг., живописью и архитектурой русского авангарда. А, между тем, воплощение идей и слова в архитектуре и живописи является крайне важной темой для всей революционной культуры, когда, по словам теоретика производственного искусства (Заламбани, 1995) Бориса Арватова, «художник захотел строить» (Б.А. 1923: 62). Яркими примерами этого служат идеи и поэзия Пролеткульта, «Башня Татлина», поэты ЛЕФ и конструктивисты, Государство времени В. Хлебникова, его поэзия и

живопись П. Филонова, проект советского «Города-сада» и крестьянская утопия А. Чаянова – мир, в котором Великим декретом уничтожены города и т. д. Поэтому постановка проблемы концептуализации историко-литературного контекста творчества писателей разных художественных направлений может дополнить картину творческого взаимодействия русской классической литературы и литературы послереволюционной, картину развития жанра утопии и антиутопии в новейшей русской литературе: содружество «Великого кольца» И. Ефремова, «Мир Полудня» А. и Б. Стругацких, «Ордусь» Хольма ван Зайчика, Москореп – Московская коммунистическая республика – в романе «Москва 2042» В. Войновича (1986), романы Т. Толстой «Кысь» (2000), «Маскавская Мекка» (2004) А. Волоса, повести «День опричника» (2006) и «Сахарный Кремль» (2008) В. Сорокина и др.

2. МЕТОДЫ

Все эти произведения созданы в рамках давней историко-литературной традиции, в том числе и российской, но обычно исследователи обращаются к традиционному, ставшему уже шаблонным, набору текстов. Но и сами авторы, и их тексты существуют, по справедливому замечанию Б. Эйхенбаума, не в безвоздушном пространстве, и важно проследить влияние на них «литературного воздуха эпохи», *Zeitgeist* (духа времени), провести общий культурно-исторический анализ выбранных текстов.

3. РЕЗУЛЬТАТЫ

В русской фантастике XIX – начала XX веков представлены разные картины будущего, в основном – утопические. Это, прежде всего, роман В. Одоевского «4338 год: Петербургские письма» (1837), описывающий, по словам В. Белинского, «грядущую мирообъемлющую» судьбу России, занимающей целое русское полушарие и являющейся вместе с Китаем одним из двух центров мира. Эта идея нашла дальнейшее развитие в цикле повестей «Плохих людей нет» (2000–2005) Хольма Ван Зайчика (творческий псевдоним В. Рыбакова и И. Алимова), близком по своему пафосу роману В. Одоевского, Россия превратилась в Ордусь, вобрав в себя и Орду.

Рассказы В. Одоевского «Последнее самоубийство» и «Город без имени» (оба 1844), напротив, по своим жанровым признакам представляют антиутопии, направленные на развенчание идей экономистов-прагматиков Т. Мальтуса и И. Бентама, на борьбу с «насущностью и полезностью» (Е. Баратынский).

Позже именно Ф. Достоевский развил эти идеи В. Одоевского, добавив в число противников «живого христианства» и социализм, затем – русский нигилизм, создав «Бесы», – один из многих русских «антинигилистических» романов. В философской нероманной прозе, – «Зимние заметки о летних впечатлениях» (1863) и фантастическом (авторское определение Достоевского) рассказе-утопии – «Сон смешного человека» (1877), посвящённых теме, на долгие годы ставшей едва ли не главной в русской философии и литературе – «Россия и Запад», развивается и постоянный мотив творчества писателя – не о прошедшем, а о будущем золотом веке (Достоевский 1983: 402).

В переходные эпохи взаимоотношения старой культуры и новой, находящейся в процессе становления, наиболее напряжены и развиваются в диалектическом диалоге. В русской религиозной философии начала XX в. переосмыслены и пересозданы образы Н. Гоголя, А. Пушкина, и особенно Ф. Достоевского – «духовного первоисточника» (Н. Бердяев) и др. Этот диалог развивался в противопоставлении, отрицании, а также и в переосмыслении образов будущего общества в русской литературе: хрустальные (стеклянные) дворцы В. Одоевского и Н. Чернышевского, И. Катаева, В. Итина, В. Кириллова, Я. Окунева – и «прозрачный», деиндивидуализированный мир романа «Мы» Е. Замятина.

И. Катаев в программной статье «Об искусстве и грядущем человеке» (1929) задавался вопросом, волновавшим всех – каким будет человек в этом новом мире «зелёных городов-садов», «множества серых стеклобетонных зданий с блестящими и умными машинами и миллионов гектаров тучной, сообща обработанной земли, откуда обильным потоком хлынут тепло, голубой свет, пища и одежда для всех живущих», – «...сохранит ли он богатство и тонкость души?» (Катаев 1933). Позже на этот вопрос утвердительно ответили классики русской фантастики – И. Ефремов («Туманность Андромеды», 1956, «Сердце змеи», 1958) и братья А. и Б. Стругацкие («Полдень, XXII век» – в этих произведениях показаны прекрасные физически и духовно люди: Дар

Ветер и Веда Конг («Туманность Андромеды»), люди Мира Полудня братьев Стругацких.

Идеи будущего мира и будущего города нашли визуальное воплощение в недолгом десятилетии российского архитектурного конструктивизма – проект летающего города Георгия Крутикова, дом-коммуна Ивана Николаева, летящая динамика картин Александра Лабаса, архитектурные фантазии Якова Чернихова, вдохновившие Нормана Фостера, стеклянные небоскрёбы Ивана Леонидова, дом-мастерская архитектора Константина Мельникова. Не всегда исследователи осознают это взаимодействие, эти сложные отношения между социальными идеями, словом и их визуализацией.

Это было парадоксально переосмысленное воплощение образов будущего из публицистики и прозы Ф. Достоевского – «муравейник», «курятник» и «стеклянный дворец», пересказанное В. Розановым (Розанов 1996: 87–88; 122). Вряд ли это было прямое переосмысление идей Ф. Достоевского: его боязнь прозрачности, коллективности и практицизма стала пафосом будущего общества, она была преобразована фактически в представления о самом будущем как о мире металла, стекла и умных машин, домов-дворцов – город будущего Александры Коллонтай с его огромными дворцами, где жители расселены по возрастам в «Дворцы ребёнка» и «Дом отдохновения» для стариков («Скоро. Через 48 лет» 1923) и проект ансамбля дома-коммуны для Анжеро-Судженска Николая Кузьмина (1928—1929) с его *Графиком жизни*, когда член коммуны от своего рождения до смерти проходит полный цикл жизни внутри этого особым образом спланированного дома.

Это должен был быть мир человеческого общежития, мир коллективного быта, которого опасался Е. Замятин или же мир общего труда, наполненный светом и теплом, мир общего труда и общего отдыха в рассказе А. Коллонтай «Скоро. Через 48 лет» (1923), в повести И. Катаева «Сердце» (1927), в романе Я. Окунева «Грядущий мир» (1923), рассказе В. Кириллова «Первомайский сон» (1921) и т.д. «Четвертак» Андрея Бабичева в романе «Зависть» Ю. Олеси – гигантский дом-кухня, «Дом на набережной» (1931) Б. Иофана как проект дома-города замкнутой структуры для партийной и советской элиты из книги Ю. Слёзкина «Дом правительства» (2019) – и дома из

романов В. Итина, Я. Окунева и рассказа В. Кириллова, будущий мир из речи члена Содружества «Перевал» И. Катаева.

Фобии и предвидения Ф. Достоевского воплотились, тем не менее, в теориях Пролеткульта, хотя и нет прямых доказательств, что Алексей Гастев, основоположник теории научной организации труда, идеолог Пролеткульта, переосмысливал эти суждения Ф. Достоевского. А. Гастев писал о том, что именно пролетариату, в силу его массовости и связанности одной общей идеей, индивидуальность будет только мешать строить новый мир, именно «...поразительная анонимность позволяет квалифицировать отдельную пролетарскую единицу как А, Б, С или 325, 075 и 0 и т.п.; ... как будто уже нет человеческого индивидуального лица, а есть ровные нормализованные шаги, есть лица без экспрессий, душа, лишённая лирики, эмоция, измеряемая не криком, не смехом, а манометром и таксометром». (Гастев 1919: 75–76). Новый человек, по мнению теоретиков ЛЕФ не воспитывался, а изговлялся: «К железопрокату! К землепрокату! К человекопрокату! Железное время делать железным людям» (ЛЕФ 1927: 1).

Эта точка зрения поддерживалась и партийной элитой. В 1925 г., выступая на диспуте о судьбах русской интеллигенции, Н. Бухарин говорил: «Да, мы будем штамповать интеллигентов, будем вырабатывать их как на фабрике» (Бухарин 1925:7).

Боязнь коллективизма и практицизма наступающего мира капитала, машин и власти денег, ведущих к стиранию индивидуальности, к бездуховности у Ф. Достоевского получили художественное воплощение в романе-антиутопии Е. Замятина «Мы», в образе деиндивидуализированных личностей с индексами вместо имён: Е. Замятин, возможно, использовал идею Хьюго Гернсбека – «Ральф 124С 41+ Роман о жизни в 2660 году» (1912).

Е. Замятин не единственный предостерегал от буквального следования этим теориям: в забытой повести-антиутопии Андрея Марсова «Любовь в тумане будущего. История одного романа в 4560 году» (1924) «ультра-Расмовские лучи» просвечивают каждого, добираясь до самых сокровенных мыслей, «психоконтрольные доски» и «Слуги общественной безопасности в Великой республике мирового разума контролируют все, от рождения до смерти» (Марсов, 2015). В своей антиутопии «Долина новой жизни» (1928) также, очевидно,

художественной реакции на идеи А. Гастева, Фёдор Ильин (Ильин, 1928) писал об искусственном создании расы людей с определёнными генетически заложенными функциями, а Ефим Зозуля в романе с знаковым для тех лет заголовком «Мастерская человеков» (1930) рассказывал о буквальной лепке из «человеко-теста» и из частей трупов новых людей, предлагая будущим владельцам выбрать из каталога образец человека, наделённый определёнными заданными функциями под определённым номером. Герои романа шли в своих фантазиях дальше гомункулуса Фауста: «Каталог необходим. Разместим людей по номерам. И будем спрашивать заказчиков – вам что? Кто нужен? Такой-то и такой-то? Пожалуйста, номер 15, 16, 2, 23. И все.... Прямо – вам что нужно? То-то и то-то? Пожалуйста! Жарь по номеру 42 или 29, или 17 – и все» (Зозуля 2012: 245).

Если для одних будущий мир, благодаря использованию инновационных материалов, был бы наполнен светом, объемом и красотой зданий из стекла, бетона и металла (И. Катаев, В. Кириллов, В. Итин, Я. Окунев, архитекторы-конструктивисты и др.), стал бы «овеществлённой утопией» в проекте Антона Лавинского (Б.А. 1923), то для других эта всеобщая прозрачность, возникновение коллективного быта стали бы угрозой личной жизни, свободе и частному пространству, – противопоставление «Четвертака», гигантской кухни-столовой Ю. Олеси, разрушающей прежний быт, и кооперативной столовой, дарящей всем уют, И. Катаева в романах «Зависть» и «Сердце». Этот пафос коллективизма нашёл выражение и в архитектуре дома-коммуны в Москве. Н.В. Докучаев, идеолог создания домов-коммун «...с минимальной, индивидуального пользования, жилой площадью, с архитектурно оформленными и хорошо оборудованными помещениями для коллективного пользования всех жильцов» (Докучаев, 1926:24) утверждал, что «... Коммунальный режим подобного типа домов для рабочих выведет последних в большие залы, гармоничные по форме, полные света и воздуха. Общаясь с коллективом жильцов такого дома-коммуны, рабочий научится жить коммунально и не бояться пространства» (Докучаев 1926:24). Хотя, кроме фаланстера Ш. Фурье, ставшего своеобразным мемом ещё в XIX в., таких «коммунистических колоний» было много (Энгельс, 1929: 251 – 269), как и артистических «богемных» общежитий – легендарный парижский «La Ruche» – «Улей» (La Ruche – Artistes – 75015 – Paris) и общежитие ВХУТЕМАС в Москве (Короткий век ВХУТЕМАСа. Как

появился и исчез первый советский институт дизайна / Новости города / Сайт Москвы (mos.ru)

Примечательно, что в альтернативной России из романа В. Пелевина «Смотритель» (часть 1 – «Орден жёлтого флага», 2015) созданные при монастырях учебные заведения называются фаланстерами.

4. ОБСУЖДЕНИЕ

Эта большая тема требует более подробного исследования, пока же можно сделать лишь предварительные выводы: в научно-технических утопиях акцент делался на «чудеса техники», образы героев не отличались психологизмом. Описание мира будущего было почти аналогично картинам из романов В. Одоевского и Н. Чернышевского, но с оговорками о том, каким должен быть новый человек. Сам же новый мир был примерно у всех одинаков; другие – как Е. Замятин, Я. Окунев, Ф. Ильин, Е. Зозуля, А. Марсов – писали об опасности создания нового человека и об опасности обезличивания, стандартизации, тотального контроля.

Идеи и образы будущего, которого опасался Ф. Достоевский, парадоксально, и едва ли осознанно стали важными у Пролеткульта, в архитектуре русского конструктивизма, у ЛЕФ, воспевалась именно коллективность, открытость, отсутствие психологизма и частной жизни. Особняком стоит Андрей Платонов, чей глубинный диалог с Ф. Достоевским, зачисленным к середине 1930-х гг. в реакционеры, шёл не только в публицистике, но и в прозе. Эти взаимоотношения писателей и их социальная прогностика подробно описаны (Ипатова 2008).

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Перспективным представляется дальнейший сопоставительный анализ текстов русских литературных утопий XIX – XX веков в их идейно-культурном диалоге с социально-философскими идеями первой половины XX в. Хорошо изучены различные идейно-стилистические аспекты «магистральных» текстов – «Красная звезда» А. Богданова, «Мы» Е. Замятина, «Аэлита» и «Гиперболоид

инженера Гарина» А. Толстого, «Чевенгур» и «Котлован» А. Платонова, но их связь с литературной почвой, 1920–1930-х гг., с огромным корпусом забытых или малоизвестных текстов как метрополии – Михаил Козырев «Ленинград» (1925), Ян Ларри «Страна счастливых» (1931), Фёдор Ильин «Долина новой жизни» (1928), Вивиан Итин «Страна Гонгури» (1921), Владимир Кириллов «Первомайский сон» (1921), так и литературы эмиграции первой волны – П. Краснов «За чертополохом» (1921) и мн. др., их идейно-жанровое взаимодействие с русской литературной утопией и антиутопией конца XX – начала XXI в. «Остров Крым» В. Аксёнова (1979), «Французская ССР» А. Гладилина (1985), «Москва 2042» В. Войновича (1986), «Завтра в России» Э. Тополя (1989), «Невозвращенец» А. Кабакова (1988), «День опричника» (2006), «Сахарный Кремль» (2008), «Метель» (2010), «Доктор Гарин» (2021) В. Сорокина, «Смотритель» В. Пелевина (2015) и многочисленными текстами «альтернативной фантастики», основоположником который был Михаил Первухин, автор, в частности, романа о победе Емельяна Пугачёва – «Пугачёв-победитель» (1924) и его воцарении на троне, пока не исследованы.

Феномен «художественная жизнь», который ввёл в научный оборот Г. Стернин (Стернин, 1970), вместе с понятиями «литературная жизнь» и «литературный быт» русских формалистов могут, очевидно, создать более полную картину творческой жизни России тех лет, при этом неразрывную связь визуальных искусств и архитектуры с воплощённым в них словом, литературой ещё предстоит изучить более полно.

ЛИТЕРАТУРА

Ануфриев, А.Е. (2002). *Утопия и антиутопия в русской прозе первой трети XX в.: Эволюция, поэтика: дисс. ... докт. филологич. н.: 10. 1. 01.* – Москва.

Б.А. *Овеществлённая утопия*, ЛЕФ, 1923, 1, 62–65

Бухарин, Н. (1925). Судьбы русской интеллигенции (стенограмма речи на диспуте о судьбах русской интеллигенции 10 марта 1925 г.), в: *Печать и революция*, 3, 7.

Воробьёва, А.Н. (2009). *Русская антиутопия XX – начала XXI веков контексте мировой антиутопии: дисс. ... докт. филологич. н.: 10. 1. 01.* Саратов.

Гастев, А. (1919). *Контуры пролетарской культуры*. в: *Индустриальный мир*, Всеукраинское отделение искусств. Харьков: Наркомпрос.,

Гачева, А.Г. (2019). *Русский космизм в идеях и лицах*. Москва: Академический проект.

Гюнтер, Х. (2011). *По обе стороны утопии. Контексты творчества Андрея Платонова*. Москва: Новое литературное обозрение.

Десять (передовая), ЛЕФ, 1927, 8–9, 1.

Докучаев, Н. (1926). *Архитектура рабочего жилища*, Советское искусство, 3, 24.

Достоевский, Ф.М. (1983). *Сон смешного человека*, в: Достоевский. Ф.М. *Собр. соч. в 30 тт.*, т.25. Москва: Наука.

Евлампиев, И.И. (2015). Русская литература о грядущем совершенстве человека, в: В. Одоевский – Ф. Достоевский – А. Платонов: *Философские науки*, 4, 37–49.

Заламбани, М. (2003). *Искусство в производстве: Авангард и революция в Советской России 20-х годов*. Москва: ИМЛИ РАН, Наследие.

Зозуля, Е.Д. (2012). *Мастерская человека, в: Зозуля Е.Д. Мастерская человека и другие гротескные, фантастические и сатирические произведения*. Одесса: Пласке.

Ильин, Фёдор. (1928). *Долина новой жизни*. Москва: Круг.

Ипанова, С.И. (2008). «Муравейник» в социальной прогностике Платонова и Достоевского, в: *Творчество Андрея Платонова*. Санкт-Петербург: МАИК Наука/Интерпериодика.

Калинин, И.А. (2002). *Русская литературная утопия XVIII–XX вв.: Проблемы поэтики и философии жанра дисс. ... канд. филологич. н.: 10. 1. 01.*, Санкт-Петербург.

Катаев, И. (1933). Речь на Первом пленуме оргкомитета Союза советских писателей, в: *Советская литература на новом этапе, «Советская литература»*. Москва, С. 96–97.

Ковтун, Н.В. (2005). *Русская литературная утопия второй половины XX века*. Том. ун-т, Томск.

Ланин, Б.А. (2011). Наследие Евгения Замятина и современная русская антиутопия в: *Acta Slavica Iaponica*, 29, 49–63.

Ланин, Б.А. (1993). *Русская литературная антиутопия XX века*. М: Б.и., 198 с.

ЛЕФ, 1923, 4, 108.

Марсов А. (2015). *Любовь в тумане будущего. (История одного романа в 4560 году)*. Salamandra P.V.V.

«Мы»: *Текст и материалы к творческой истории романа*, (2011). Санкт-Петербург: Мирь.

Павлова, О.А. (2006). *Русская литературная утопия 1900–1920-х гг. в контексте отечественной культуры: дис. д-ра филол. н.: 10. 1. 01*, Волгоград.

Розанов, В.В. (1996). *Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского*. Москва: Республика.

Скороспелова, Е.Б. (2014). Роман «Мы»: художественно-философская проза, в: *Литературоведение на современном этапе: Теория. История литературы. Творческие индивидуальности. К 130-летию со дня рождения Е.И. Замятина*. Тамбов – Елец, Вып.2, 101–120.

Стернин, Г.Ю. (1970). *Художественная жизнь России на рубеже XIX–XX веков*. Москва: Искусство.

Турьян, М.А. (2016). Об антиутопиях Владимира Одоевского: по ком звонит колокол, в: *Вопросы литературы*, 5, 225–242.

Турьян, М.А. (2013). *Русский «фантастический реализм» статьи разных лет*. Санкт-Петербург: Росток.

Хрящева, Н.П. (2011). Парадигма Ф. Достоевского в творчестве А. Платонова 1920-х годов, в: *Уральский филологический вестник*. Серия: «Русская литература XX–XXI веков: направления и течения», 12, 82–95.

Чаликова, В.А. (1994). Утопия и свобода: Эссе разных лет, в: *Весть*, Москва.

Чистов, К.В. (2003). *Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд)*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.

Энгельс, Ф. (1929). Описание возникших в новейшее время и ещё существующих коммунистических колоний. в: *Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения*. Москва-Ленинград, Т.III.: Госиздат.

Julija Voropaeva

Rusko sveučilište prijateljstva naroda, Rusija
voropaeva_yua@pfur.ru

Aleksej Ovčarenko

Rusko sveučilište prijateljstva naroda, Rusija
ovcharenko_ayu@pfur.ru

Irena Mikulaco

Sveučilište Jurja Dobrile u Puli, Hrvatska
irena.mikulaco@unipu.hr

S ruskog prevela: Irena Mikulaco

Od Kristalne palače do Jame za temelj (ruski Kotlovan). Futurološke ideje u ruskoj književnosti. Postavljanje problema

SAŽETAK

U članku se obrađuje problem proučavanja evolucije futuroloških ideja u ruskoj književnosti od V. Odojevskog do F. Dostojevskog i njihov utjecaj na kasnije poglede na buduće društvo i budućega čovjeka u književnosti 20-ih i 30-ih godina 20. stoljeća. Relevantnost teme određena je kako povećanim općim interesom za rusku kulturu i književnost 20-ih i 30-ih godina, tako i novim interpretacijama koje su se pojavile u godini 200. obljetnice Dostojevskog i povezane su s recepcijom piščevih ideja u postrevolucionarnoj književnosti, posebice u tekstovima „zaboravljenih“ autora – V. Kirilova, J. Okunjeva, V. Itina, I. Kataeva i drugi.

Znanstvena novina članka sastoji se u utvrđivanju mogućih veza između idejno-umjetničkoga svijeta F. Dostojevskog i polja ideja od 1920. – 30-ih godina, uključujući ne samo književnost već i slikarstvo (Aleksandar Labas) i arhitekturu ruskoga konstruktivizma i avangarde (Georgij Krutikov, Ivan Nikolaev, Ivan Leonidov, Jakov Černihov i mnogi drugi).

Ključne riječi: ruska književna utopija i distopija, V. Odojevski, F. Dostojevski, ruska književnost, umjetnost i arhitektura 1920. – 30-ih godina

1. UVOD

Geneza ruske utopijske ideje, ruskoga kozmizma, ruske narodne utopije, uključujući starovjerstvo, ruske književne utopije i distopije proučavane su dosta temeljito (Anufriev 2002; Vorobjova 2009; Günther 2011; Kalinin 2002; Kovtun 2005; Pavlova 2006; Čistov 2003).

Najveću pozornost istraživača privlači roman I. Ehrenburga *Neobične pustolovine Julia Jurenita i njegovih učenika* (1922), priča A. Čajanova – agrarna utopija *Putovanje mog brata Alekseja u zemlju seljačke utopije* (1920), romani E. Zamjatina *Mi* (1920) i *Čevengur* (1927) Andreja Platonova (Lanin 1993, 2011). Istraživana je njihova povezanost sa sižeima evanđelja, s klasičnom ruskom književnošću i filozofijom ruskoga kozmizma, slika *Jedinstvene države* F. Dostojevskog (Hrjaščova 2011) i M. Saltikova-Ščedrina, staklene palače iz četvrtog sna Vere Pavlovne N. Černiševskog, a s njima suvremena ruska književnost i filozofija – N. Fjodorov, A. Bogdanov, A. Gastev i Proletkult, V. Muravjov i drugi (Gačeva 2019).

Međutim, još uvijek nije dovoljno istražena percepcija ruskih utopijskih ideja i njihova transformacija u ideje o budućem svijetu i budućem čovjeku, ne samo u postrevolucionarnoj književnosti nego i u širem povijesno-kulturološkom kontekstu. Posebno je zanimljiv dijalog sa suvremenima: socijalističke utopije A. Bogdanova – dilogija *Crvena zvijezda* (1908) i *Inženjer Manny* (1913), *Republika Južnog križa* (1904) V. Brjusova i prvo izdanje romana A. N. Tolstoja *Aelita* (1921), *Zemlja Gongurija* V. Itina (1922), *Svijet budućnosti* (1922) J. Okunjeva i Zamjatinov roman *Mi* (Skorospelova 2014), *Zavist* J. Oleše (1927) i *Srce* I. Katajeva (1927) te mnogi drugi, zajedno s ruskom klasičnom književnošću, a posebno s likovnom umjetnošću 20-ih i 30-ih godina, slikarstvom i arhitekturom ruske avangarde. Između ostalog, utjelovljenje ideje i riječi u arhitekturi i slikarstvu iznimno je važna tema za cjelokupnu revolucionarnu kulturu, kada je, prema riječima teoretičara produktivističke umjetnosti (produktivizma) (Zalambani, 1995), Borisa Arvatova, „umjetnik poželio graditi“ (B. A. 1923: 62). Živopisni su primjeri toga ideje i poezija Proletkulta, „Tatlinova kula“, pjesnici i konstruktivisti LEF-a, Država vremena V. Hlebnikova, njegova poezija i slikarstvo P. Filonova, projekt sovjetskoga „grada-vrta“ i A. Čajanovljeva seljačka utopija – svijet u kojem su gradovi uništeni Velikim dekretom itd. Stoga postavljanje problema konceptualizacije povijesno-književnoga konteksta djela književnika različitih umjetničkih pravaca može upotpuniti sliku stvaralačke interakcije ruske klasične književnosti i postrevolucionarne književnosti, sliku razvoja

žanra utopije i distopije u najnovijoj ruskoj književnosti: družina *Velikog prstena* I. Jefremova, *Svijet Podneva* A. i B. Strugackih, *Hordus Holma* van Zajčika, Moskorep – Moskovska komunistička republika u romanu *Moskva 2042* V. Vojnoviča (1986), romanima T. Tolstoj *Kis* (2000), *Maskavska Mekka* (2004) A. Volosa, pripovijesti *Dan opričnika* (2006) i *Šećerni Kremlj* (2008) V. Sorokina i drugih.

2. METODE

Sva su ta djela nastala u okviru duge povijesne i književne tradicije, uključujući i rusku, ali istraživači se obično okreću tradicionalnom, već šablonskom odabiru tekstova. Ni sami autori ni njihovi tekstovi ne postoje u vakuumu, kako je ispravno primijetio B. Ejhenbaum, stoga je važno pratiti utjecaj na njih „književnog zraka epohe” – *Zeitgeist* (duha vremena) te provesti opću kulturno-povijesnu analizu odabranih tekstova.

3. REZULTATI

Ruska fantastika 19. i početka 20. stoljeća prikazuje različite slike budućnosti, uglavnom utopijske. To je, prije svega, roman V. Odojevskog *4338. godina: Peterburgska pisma* (1837), koji opisuje, riječima V. Bjelinskog, „buduću globalnu” sudbinu Rusije, koja zauzima cijelu rusku hemisferu i s Kinom predstavlja jedno od dvaju središta svijeta. Ta je ideja dalje razvijena u ciklusu pripovijesti *Nema loših ljudi* (2000 – 2005) Holma Van Zajčika (pseudonim V. Ribakova i I. Alimova), bliskoga po svojem patosu romanu V. Odojevskog, Rusija se pretvorila u Hordus, apsorbirajući i Hordu.

Novela V. Odojevskog *Posljednje samoubojstvo* i *Grad bez imena* (obje 1944), naprotiv, u svojim žanrovskim karakteristikama predstavljaju distopiju čiji je cilj razotkrivanje ideja pragmatičnih ekonomista T. Malthusa i J. Benthama, u borbi protiv „nasušnosti i korisnosti” (J. Baratinski).

Kasnije je F. Dostojevski bio taj koji je razvio te ideje V. Odojevskog, dodajući i socijalizam protivnicima „živog kršćanstva”, zatim ruski nihilizam, stvarajući *Bjesove*, jednog od mnogih ruskih „antinihilističkih” romana. U filozofskoj neromanskoj prozi – *Zimske bilješke o ljetnim dojmovima* (1863) i fantastična (autorska definicija Dostojevskog) utopijska novela – *San smiješnog čovjeka* (1877), posvećena temi koja je dugi niz godina bila gotovo glavna u ruskoj

filozofiji i književnosti – „Rusija i Zapad“, razvija se stalni motiv piščeva djela, ne o prošlom, već o budućem zlatnom dobu (Dostojevski 1983: 402).

Na prijelazu jedne epohe u drugu odnos stare kulture i nove u nastajanju najintenzivniji je, i razvija se u dijalektičkom dijalogu. U ruskoj religijskoj filozofiji ranoga 20. stoljeća ponovno su osmišljene i oblikovane slike N. Gogolja, A. Puškina, a posebno F. Dostojevskog – „duhovnog praihvora“ (N. Berdjajev) i drugih. Taj dijalog razvijao se u suprotstavljanju, poricanju, kao i u promišljanju slika budućega društva u ruskoj književnosti: kristalne (staklene) palače V. Odojevskog i N. Černiševskog, I. Katajeva, V. Itina, V. Kirillova, J. Okunjeva – i „prozirni“, deindividualizirani svijet romana *Mi J. Zamjatina*.

I. Katajev je u svojem programskom članku *O umjetnosti i budućem čovjeku* (1929) postavio pitanje koje je zabrinjavalo sve – kakva će osoba biti u ovom novom svijetu „zelenih gradova-vrtova“, „mnogih sivih stakleno-betonskih zgrada sa sjajnim i pametnim strojevima i milijunima hektara bogate, kolektivno obrađene zemlje, iz koje će obilno poteći toplina, plava svjetlost, hrana i odjeća za sve živo“, – „...hoće li zadržati bogatstvo i suptilnost duše?“ (Katajev 1933). Kasnije su na to pitanje potvrdno odgovorili klasici ruske fantastike – I. Jefremov (*Andromedina maglica*, 1956 i *Srce zmije*, 1958) i braća A. i B. Strugackij (*Podne, XXII. stoljeće* – u tim se djelima prikazuju fizički i duhovno prekrasni ljudi: Dar Veter i Veda Kong (*Andromedina maglica*) te ljudi iz *Svijeta Podneva* braće Strugackih).

Ideje budućega svijeta i grada budućnosti našle su vizualno utjelovljenje u kratkom desetljeću ruskoga arhitektonskog konstruktivizma – projekt letećega grada Georgija Krutikova, kuća-komuna Ivana Nikolajeva, leteća dinamika slika Aleksandra Labasa, arhitektonske fantazije Jakova Černihova, koje su nadahnule Normana Fostera, stakleni neboderi Ivana Leonidova, kuća-radionica arhitekta Konstantina Meljnikova. Istraživači nisu uvijek svjesni ove interakcije, ovoga složenog odnosa između društvenih ideja, riječi i njihove vizualizacije.

Bilo je to paradoksalno preuokvireno utjelovljenje slika budućnosti iz publicistike i proze F. Dostojevskog – „mravinjak“, „kokošinjac“ i „staklena palača“, koje je prepričao V. Rozanov (Rozanov 1996: 87-88, 122) . Malo je vjerojatno da je riječ o izravnom preispitivanju ideja F. Dostojevskog: njegov strah od transparentnosti, kolektiviteta i praktičnosti postao je patos budućega društva, zapravo se transformirao u ideje o samoj budućnosti kao

svijetu metala, stakla i pametnih strojeva, kuća-palača – grad budućnosti Alexandre Kollontai sa svojim golemim palačama, gdje su stanovnici raspoređeni s obzirom na uzrast u *Dječjim palačama* i *Kući za odmor* za starije osobe (*Uskoro. Za 48 godina*, 1923) i projekt kompleksa kuća-komuna za Anžero-Sudžensk Nikolaja Kuzmina (1928 – 1929) sa svojim *Životnim rasporedom*, kada član komune, od rođenja do smrti, prolazi kroz puni životni ciklus unutar ove posebno isplanirane kuće.

To je trebao biti svijet ljudske zajednice, svijet kolektivnoga života, kojega se J. Zamjatin bojao, ili svijet zajedničkoga rada, ispunjen svjetlošću i toplinom, svijet zajedničkoga rada i zajedničkoga odmora u noveli A. Kollontai *Uskoro. Za 48 godina* (1923), u pripovijesti I. Katajeva *Srce* (1927), u romanu J. Okunjeva *Budući svijet* (1923), noveli V. Kirillova *Prvosvibanjski san* (1921), itd. *Četvrtina* Andreja Babičeva, u romanu *Zavist* J. Olješe – divovska kuća-kuhinja, *Kuća na nasipu* (1931) B. Iofana kao projekt kuće-grada zatvorene strukture za partijsku i sovjetsku elitu iz knjige J. Sljuzkina *Vladina kuća* (2019) – i kuća iz romana V. Itina, J. Okunjeva i novele V. Kirillova, budući svijet iz govora člana Društva književnika *Prijevoj* I. Katajeva.

Fobije i predviđanja F. Dostojevskog utjelovljene su u teorijama Proletkulta, iako nema izravnih dokaza da je Aleksej Gastev, utemeljitelj teorije znanstvene organizacije rada, ideolog Proletkulta, preispitao te prosudbe F. Dostojevskog. A. Gastev napisao je proletarijatu, upravo zbog njihova masovnog karaktera i povezanosti jednom zajedničkom idejom, da će individualnost samo ometati izgradnju novoga svijeta, upravo „...nevjerojatna anonimnost nam omogućuje da kvalificiramo pojedinačnu proleterku jedinicu kao A, B, C ili 325, 075 i 0, itd.; ...kao da više nema ljudskog individualnog lica, ali ima ujednačenih normiranih koraka, postoje lica bez izraza, duša lišena liričnosti, emocija koje se ne mjere ni krikom, ni smijehom, već manometrom i taksimetrom.“ (Gastev 1919: 75-76). Novi čovjek, prema teoretičarima LEF-a, nije bio školovan, već proizveden: „Za lijevano željezo! Za lijevanu zemlju! Za lijevanog čovjeka! Željezno vrijeme stvara željezne ljude“ (LEF 1927: 1).

Ovo stajalište podržavala je i stranačka elita. Godine 1925., govoreći na raspravi o sudbini ruskih intelektualaca, N. Buharin rekao je: „Da, mi ćemo tiskati intelektualce, proizvodit ćemo ih kao u tvornici“ (Buharin 1925: 7).

Bojazan F. Dostojevskog od kolektivizma i prakticizma u nadolazećem svijetu kapitala, strojeva i moći novca, koji vodi brisanju individualnosti i nedostatku duhovnosti, dobio je umjetničko utjelovljenje u distopijskom

romanu J. Zamjatina *Mi*, u slici deindividualiziranih pojedinaca s indeksima umjesto imena: J. Zamjatin možda je iskoristio ideju Huga Gernsbacka – *Ralph 124C 41+ Roman o životu 2660* (1912).

J. Zamjatin nije bio jedini koji je upozoravao na doslovno slijeđenje ovih teorija: u zaboravljenoj distopijskoj pripovijesti Andreja Marsova *Ljubav u magli budućnosti. Povijest jedne ljubavi u 4560. godini* (1924) „ultra-Rasmovske zrake“ prosvjetljuju svakoga, dopiru do najtajnijih misli, „psihokontrolne ploče“ i „Sluge javne sigurnosti u Velikoj Republici svjetskog razuma kontroliraju sve, od rođenja do smrti“ (Marsov, 2015). Fjodor Iljin (Iljin, 1928) u svojoj distopiji *Dolina novog života* (1928), kao očito umjetničkoj reakciji na ideje A. Gasteva, piše o umjetnom stvaranju rase ljudi s određenim genetskim predispozicijama, a Jefim Zozulja je u romanu sa znakovitim za te godine naslovom *Radionica ljudi* (1930), govorio o doslovnom modeliranju novih ljudi od „ljudskoga tijesta“ i dijelova leševa, pozivajući buduće vlasnike da izaberu iz kataloga ljudski uzorak obdaren određenim funkcijama pod određenim brojem. Junaci romana otišli su dalje u svojim fantazijama od Faustovog *homunculusa*: „Katalog je neophodan. Smjestimo ljude po brojevima. A kupce ćemo pitati – što želite? Tko vam je potreban? Ovakav ili onakav? Molim Vas, broj 15, 16, 2, 23. I to je to... Izravno – što vam treba? Tako i tako? Izvolite! Pecite prema broju 42 ili 29 ili 17 – to je sve“ (Zozulja 2012: 245).

Ako bi za neke svijet budućnosti, zahvaljujući korištenju inovativnih materijala, bio ispunjen svjetlošću, volumenom i ljepotom zgrada od stakla, betona i metala (I. Katajev, V. Kirillov, V. Itin, J. Okunjev, konstruktivistički arhitekti itd.), postala bi „materijalizirana utopija“ u projektu Antona Lavinskog (B. A., 1923), onda bi za druge ta univerzalna transparentnost, pojava kolektivnoga načina života postala prijetnja osobnom životu, slobodi i privatnom prostoru – suprotnost *Četvrtini*, divovske kuhinje-blagovaonice J. Olješe, koja uništava stari način života, i zadružne kantine koja svima pruža udobnost, I. Katajeva u romanima *Zavist* i *Srce*. Ovaj patos kolektivismu došao je do izražaja u arhitekturi kuća-komune u Moskvi. N. V. Dokučajev, ideolog stvaranja kuća-komuna „...s minimalnim, individualnim korištenjem, životnim prostorom, s arhitektonski dizajniranim i dobro opremljenim prostorijama za kolektivnu uporabu svih stanovnika“ (Dokučajev 1926: 24) tvrdio je da „...Komunalni režim ove vrste kuća za radnike vodit će potonje u velike dvorane, skladne forme, pune svjetla i zraka. Komunicirajući s kolektivom stanara takve zajednice kuće-komune, radnik će naučiti živjeti u zajedništvu i neće se bojati prostora“ (Dokučajev 1926: 24). Iako je, osim falansterije

Charlesa Fouriera, koja je još u 19. stoljeću postala svojevrsnim memom takvih „komunističkih kolonija“ (Engels 1929: 251-269), ali i umjetničkih „boemskih“ hostela – legendarni Pariški *La Ruche* – „Košnica“ (La Ruche – Artistes – 75015 – Pariz) i hostel VHUTEMAS u Moskvi (Kratko stoljeće VHUTEMAS-a. Kako se pojavio i nestao prvi sovjetski institut za dizajn / Gradske vijesti / Web-stranica Moskve (mos.ru)

Važno je napomenuti da se u alternativnoj Rusiji iz romana V. Pelevina *Čuvar* (1. dio – *Red žute zastave*, 2015) obrazovne ustanove stvorene pri samostanima nazivaju falansterijama.

4. DISKUSIJA

Ova opširna tema zahtijeva detaljnije istraživanje, ali zasad se mogu izvući samo preliminarni zaključci: u znanstveno-tehnološkim utopijama naglasak je bio na „čudima tehnologije“, slike junaka nisu se razlikovale po psihologizmu. Opis svijeta budućnosti bio je gotovo sličan slikama iz romana V. Odojevskog i N. Černiševskog, ali sa zadržkom o tome kakav bi trebao biti novi čovjek. Sam novi svijet bio je približno isti za sve; drugi, poput J. Zamjatina, J. Okunjeva, F. Iljina, E. Zozulje, A. Marsova – pisali su o opasnosti stvaranja novoga čovjeka i opasnosti depersonalizacije, standardizacije i potpune kontrole.

Ideje i slike budućnosti, kojih se F. Dostojevski bojao, paradoksalno i jedva svjesno, postale su važne u Proletkultu, u arhitekturi ruskoga konstruktivizma, u LEF-u, veličali su se kolektivitet, otvorenost, odsutnost psihologizma i privatnoga života. Izdvojen je ostao Andrej Platonov, čiji je produbljeni dijalog s F. Dostojevskim, upisan sredinom 30-ih godina u reakcionare, zamjetan ne samo u publicistici nego i u prozi. Ti odnosi među piscima i njihove društvene prognoze detaljno su opisani (Ipatova 2008).

5. ZAKLJUČAK

Daljnja komparativna analiza tekstova ruskih književnih utopija 19. – 20. stoljeća u njihovom ideološkom i kulturnom dijalogu s društvenim i filozofskim idejama prve polovice 20. stoljeća čini se obećavajućom. Razni ideološki i stilski aspekti „glavnih“ tekstova dobro su proučeni – *Crvena zvijezda* A. Bogdanova, *Mi* J. Zamjatina, *Aelita* i *Hiperboloid inženjera Garina*

A. Tolstoja, *Čevengur* i *Jama za temelj* A. Platonova, već njihova povezanost s književnim tлом 1920. – 30-ih godina, s ogromnim korpusom zaboravljenih ili malo poznatih tekstova poput metropole – Mihail Kozirjev *Lenjingrad* (1925.), Ian Larry *Zemlja sretnih* (1931), Fjodor Iljin *Dolina novog života* (1928.), Vivian Itin *Zemlja Gongurija* (1921), Vladimir Kirillov *Prvosvibanjski san* (1921) i književnost prvoga vala emigracije – P. Krasnov *Iza čička* (1921) i mnogi drugi, njihovu ideološku i žanrovsku interakciju s ruskom književnom utopijom i distopijom kasnoga 20. i početka 21. stoljeća.

Otok Krim V. Aksjonova (1979), *Francuska SSR* A. Gladiljina (1985), *Moskva 2042* V. Vojnoviča (1986), *Sutra u Rusiji* E. Topolja (1989), *Prebjeg* A. Kabakova (1988), *Dan opričnika* (2006), *Šećerni Kremelj* (2008), *Mećava* (2010), *Doktor Garin* (2021) V. Sorokina, *Promatrač* V. Pelevina (2015) i brojni tekstovi „alternativne fantastike”, čiji je utemeljitelj bio Mihail Pervuhin, autor, posebice, romana o pobjedi Jemeljana Pugačova (*Pugačov – pobjednik*, 1924) i njegovo stupanje na prijestolje, još nisu proučeni.

Fenomen „umjetničkoga života”, koji je u znanstveni optjecaj uveo G. Sternin (Sternin, 1970) s pojmovima „književni život” i „književni način života” ruskih formalista, očito može stvoriti potpuniju sliku o stvaralačkom životu Rusije tih godina, dok neraskidivu povezanost vizualne umjetnosti i arhitekture s riječju utjelovljenom u njima, književnošću, tek treba potpunije proučiti.

Yulia Alexandrovna Voropaeva

Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Russia
voropaeva_yua@pfur.ru

Alexey Yurievich Ovcharenko

Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Russia
ovcharenko_ayu@pfur.ru

Irena Mikulaco

Juraj Dobrila University of Pula, Croatia
irena.mikulaco@unipu.hr

**From “Crystal Palace” to “The Foundation Pit” [Russian:
“Kotlovan”]. Futurological ideas in Russian literature.
Setting out the problem**

SUMMARY

The article covers the problem of studying the evolution of futurological ideas in Russian literature from V. Odoyevsky to F. Dostoevsky and their influence on the later views on the future society and the future man in the literature of the 1920s-1930s. The relevance of the topic is determined by both the increased general interest in Russian culture and literature of the 1920s and the 1930s, and the new interpretations emerging in the year of the 200th anniversary of Dostoevsky and connected with the reception of the writer's ideas in the post-revolutionary literature, especially in the texts by the “forgotten” authors – V. Kirillov, J. Okunev, V. Itin, I. Kataev, etc.

The scientific novelty of the article consists in establishing possible connections between F. Dostoevsky's ideological and artistic world and the field of ideas of the 1920s and the 1930s, including not only literature, but also painting (Alexander Labas) and architecture of Russian constructivism and the avant-garde (Georgy Krutikov, Ivan Nikolaev, Ivan Leonidov, Yakov Chernikhov and many others).

Keywords: Russian literary utopia and dystopia, V. Odoyevsky, F. Dostoevsky, Russian Literature, art and architecture of the 1920s-1930s